

Пушкину было легче

Вер. Москва. — 2000. — 15 марта. — с. 5

Писателю Кириллу Ковальджи исполнилось 70 лет

Кирилл Ковальджи — поэт, прозаик, переводчик, критик. Родился при короле Карле II, когда Бессарабия была частью Румынии. В 1940-м пришли русские.

Один из красноармейцев, буквально убитый тем, что мальчик впервые слышит имя Сталина, пытался объяснить: «Это он подарил всем детям счастливое детство!» В войну Бессарабия опять стала Румынией, потом снова советской. До 14 лет Кирилл поменял страну, строй и язык четыре раза. Слушал радио обеих сторон и вел собственный дневник военных действий. События заставили быстро повзрослеть. Мальчик захотел писать — уже о жизни. А спустя годы и учить тому же молодежь: он создал свою студию, из которой вышло несколько поколений известных поэтов.

Наталья СКЛЯРОВА

-Пушкину было легче стать Пушкиным на почти голом месте — в прошлом веке не было такого давления культуры, как сейчас. Я спросил одного поляка: «Почему вы так часто цитируете его в своих стихотворениях?» Он ответил: «Потому что после него первичным быть уже нельзя». Талантливые люди нуждаются в некотором варварстве. Маяковский был варваром на фоне поэзии утонченного символизма: Вячеслава Иванова, Брюсова, Бальмонта... Правда, в своем варварстве он дошел до предела: «Я люблю смотреть, как умирают дети» — непростительно, что он это перепечатывал.

— Из вашей литстудии вышло много известных поэтов. «Студийное образование» отличалось от официального? И вообще, можно ли выучить «на поэта»?

— Мне Литинститут дал много. Провинциальный мальчик попал в столицу, набрался опыта. Тем не менее образование

было односторонним. Например, я ничего не слышал о Мандельштаме. Андрей Платонов жил и умер в институтском дворе. Только потом, когда я увидел его портреты, мне показалось, что раньше я встречал его на лавочке. Мы не знали ничего про Набокова. Многие от нас было скрыто. Пастернак казался мне усложненным. Один раз я с ним разговаривал около минуты, и то по дурацкому поводу. Нас послали собирать на какое-то мероприятие деньги у писателей. Мы обошли Катаева, Симонова, Леонова, вечером пришли к Пастернаку. Он так трогательно удивился: «Вы ко мне? Разве вы не знаете, что я, кроме вреда, ничего не могу принести?» Был очень встревожен. Сказал, чтобы мы приходили завтра, но завтра мы уже не пришли.

Я старался руководить студией так, чтобы моим ученикам казалось, что хозяева там они. Я никогда не закрывал дверей: новенький? — входи, слушай, читай стихи, спорь. Кому не нравилась наша жесткая обстановка, уходили. Критиковали друг друга резко и в лицо. Я все

время объяснял: если вы не услышите про себя правду сейчас, то не услышите уже никогда. У взрослых поэтов свои условия. И лицемерие.

— Вы говорите в прошедшем времени. Сегодня студии уже не актуальны?

— Сейчас много кружков, в которых собираются тусовки, читают стихи, выдвигается свой гений. Общего течения поколения я не вижу. Есть маленькие водовороты. Есть разные течения: минимализм, концептуализм, метаметафоризм. Но... после Бродского в России нет крупных величин. По крайней мере, в новом поколении.

— Какими были ваши ученики? Они изменились?

— Они и тогда уже были состоявшимися: Иван Жданов и Евгений Бунимович, Марк Шапуновский и Нина Искренко. Я лишь помогал питательной творческой атмосфере на студии.

Сейчас начинают придумывать: Маяковского убили, Есенина убили, Блока отравили. Нет, они сами предчувствовали свою судьбу — как все гениальные люди. Может быть, потому и успели так много: знали, что времени у них нет

— Кирилл Владимирович, вы один из тех, кто актуализировал «краткостишье». Считаете, краткость соответствует духу времени?

— Думаю, в наше время никто не будет читать поэм. Жизнь убыстрилась настолько, что поэзия концентрируется до состояния афоризма. Возможно, это даже не поэзия, а какое-то новое искусство. Молодые поэты

стесняются чувств, лирики. Боятся темперамента. Но поэзия всегда должна складываться вокруг личности. Сколько мы знаем о Пушкине, о Маяковском помимо творчества! Мы чувствуем их личность. А вот личность Асеева — не чувствуем. Что бы ни говорили о литературном процессе, в истории остаются личности, а не направления. Для всех акмеизм — Гумилев, футуризм — Хлебников. Вот они и остаются. А «измы» становятся не нужны.

— То есть нужна красивая биография?

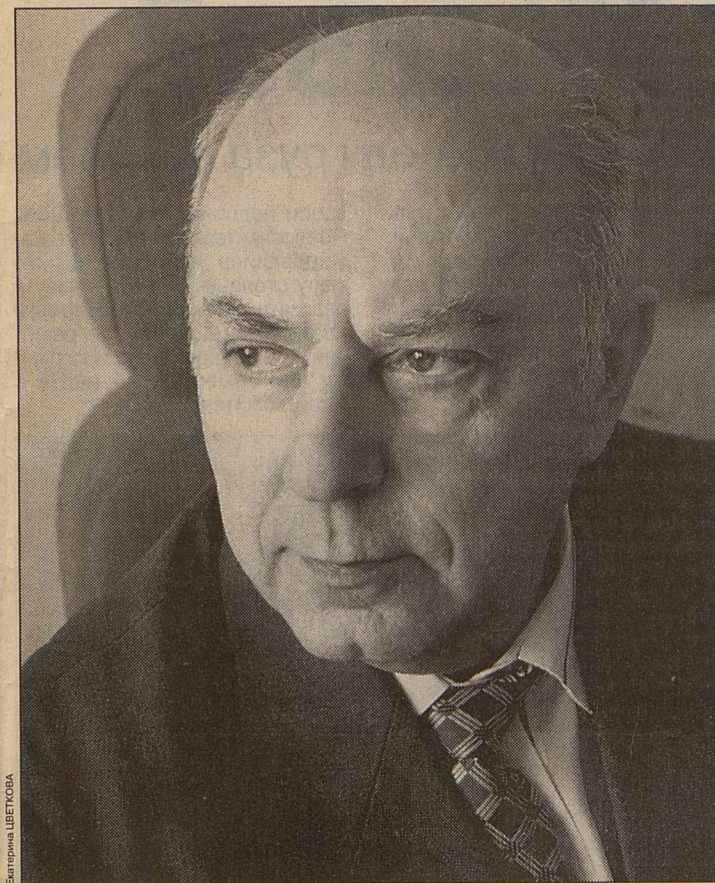
— У Блока была очень бедная биография. Нет, дело не в этом. Чувством личности я называю нечто вроде электрического заряда. Без него поэзия невозможна. Поэзия в России зачастую трагична. Увы, и Маяковский, и Есенин были самоубийцами. Сейчас начинают придумывать: Маяковского убили, Есенина убили, Блока отравили.

Преступлений было много, но убивали в то время по-другому... Нет, они сами предчувствовали свою судьбу — как все гениальные люди. Может быть, потому и успели так

много: знали, что времени у них нет. Вот Лев Толстой никуда не спешил, перекладывал «Хаджи-Мурата» много раз из ящика в ящик.

— Кто-то из современных поэтов сказал, что нынешняя поэзия — это рифмованная проза, а настоящая поэзия давно умерла.

— Поэзия займет свою маленькую, но почетную нишу. Но

Екатерина ЦВЕТКОВА

большие аудитории она может собирать разве что на концертах бардов. Поэзию к прозе начал приближать еще Пушкин (прочтите хотя бы «Домик в Коломне» или некоторые главы из «Онегина»). Но думаю, что скоро этот период должен закончиться. Мы дошли до тупика. Европейская поэзия уже отделила поэзию от прозы, и довольно резко: герметизм, визионерство, полубред — но никакой рассуждательности. У нас многие сами портят свои стихи.

— Вы охотно занимались переводами. Вам это нравится?

— Перевод бывает красивым или правдивым. Как-то раз я подшутил над одним переводчиком: предложил ему якобы молдавские стихи, сказав, что не смог перевести сам. Он перевел правдиво. А я ему подсунул «подстрочник» Пастернака. Он сказал: да, ничего, только слишком прозаично. После того

как я назвал автора, приятель со мной полгода не разговаривал.

— В вашей прозе реальная жизнь переплетается с мифами, в том числе собственного сочинения...

— Сейчас это стало очень модным. Я даже перестал из-за этого читать «новую прозу», хотя настоящая литература может твориться в любом жанре. Детектив может быть гениальным. «Приключения Шерлока Холмса» — литература, но сто процентов из того, что продается сейчас на лотках, — не литература. Миф нужен только тогда, когда он помогает открыть какую-то сущность. Кант говорил притчами. Но Кант — для подготовленных, а миф понятен каждому — от ученого до безграмотного. Мои произведения на три четверти реалистичны. Миф не самоцель, он нужен для познания мира.